

1

баблотура

Александр Михайлов

Баблотура 1: сборник рассказов

«Геликон Плюс»

2013

Михайлов А.

Баблотура 1: сборник рассказов / А. Михайлов — «Геликон Плюс», 2013

Сборник «Баблотура-1» – первая ступень для молодых российских писателей в большую литературу. Авторы из разных уголков страны, а также русскоязычные «гости», например, из Израиля написали рассказы обо всем на свете, приправляя свое творчество яркими цитатами и сюжетными линиями: «Не маши руками – слизь с гриба во все стороны летит. Это раз. Уровень интеллекта чистотой носков не измеряется. Это два.» «Мы счет в банке сделаем и будем каждый год туда бабки класть. Ну пусть сто баксов в год. Как только кто-то умрет, выживший заберет все деньги себе. А накопится там немало. Согласен?» «С точки зрения обывателя человек без хобби – ограниченный обрыган-карьерист.»

© Михайлов А., 2013

© Геликон Плюс, 2013

Содержание

Илья Фрейдкин. Иерусалим, freid90@gmail.com	6
Василий Серебряный	8
Макар Исаев	10
Татьяна Воробьева	12
Андрей Степанов. Stepanov-Andrey88@yandex.ru, vk.com/id40922961	17
Разговор-2	19
Александр Михайлов. ambed@mail.ru	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Александр Михайлов (II), Андрей
Степанов, Татьяна Воробьева, Илья
Фрейдкин, Василий Серебряный,
Макар Исаев, Летящая Ли, Ольга
Веснина, Игорь Гофман, Артем
Сердюк, Давид Левиин, NERV
Баблотура 1: сборник рассказов**

©Авторы, 2013

©Геликон Плюс, макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Илья Фрейдкин. Иерусалим, freid90@gmail.com

Кто сдохнет первым

Жили они в одном дворе. В небольшом зеленом дворике, в центре промышленного провинциального, но гордого городка. Их трудно было назвать друзьями, но они гуляли в одной компании, были одного возраста, можно сказать, росли вместе, друг у друга на глазах. Не помню, сколько лет им было, когда зашел этот разговор. Разговор о жизни и, как водится, смерти. Ребята были небольшими, но, как и городок, гордыми и напористыми. Олег сказал, что проживет очень долго, а Витя заявил, что еще дольше, чем Олег.

– Отвечаешь? – вставая, спросил Олег.

– Бля буду, – вальяжно ответил Витя.

– Тогда давай забьемся! – сказал Олег, довольно горячий парень, с неплохой головой на плечах.

– Как два пальца об асфальт, – так же вальяжно ответил Витя.

Их рукопожатие разрубили сидящие рядом ребята из их же двора, впечатленные спором не на жизнь, а на смерть.

Они встречались каждое утро на остановке, и каждое утро здоровались одинаково.

– Жив еще? – улыбаясь, спрашивал Витя.

– Ага, и чувствую себя прекрасно. А ты как, дрыщ? – Олег был пошире и покрепче Вити. – Ты, по-моему, похудел.

– Это чтобы прожить подольше.

В это время обычно приезжал автобус – либо Олега, либо Вити. Время шло. Они росли. Все в том же дворе. Обоим нравилась эта игра, это стало уже каким-то обычаем. Когда оба перешли в одиннадцатый класс, Олег хотел поступать на инженера, а Витя на экономиста. И вот однажды на остановке Витя сказал:

– А давай на бабки поспорим.

– Давай, а как ты мне их отдашь, когда умрешь?

– А так же, как и ты, когда первый сдохнешь. Мы счет в банке сделаем и будем каждый год туда бабки класть. Ну, пусть сто баксов в год. Как только кто-то умрет, выживший заберет все деньги себе. А накопится там немало. Согласен?

– Да.

Счет был оформлен отцом Вити, банковским служащим, суть спора он не знал, но открыть счет согласился.

Через сорок лет ничего не изменилось, они жили в одном дворе, в тех же квартирах, только не с родителями, а со своими женами и детьми. После института сумма, которую надо было каждый год класть на счет, выросла до 500 долларов в год. Однако уверенные и гордые, как промышленный городок, Олег и Витя часто отсылали туда больше, чем пятьсот долларов США, будучи уверенными в своей победе.

Спустя сорок три года после спора у Олега начались проблемы с сердцем. Проблемы были серьезными, требовалась пересадка, без нее ему оставалось всего ничего. Пересадка стоила несколько тысяч долларов, но это было не все. Нужен был донор.

Олег вышел из дома. Врачи только что позвонили ему и сказали, что ему осталось жить месяц без пересадки или до первого сердечного приступа. Ночь. Весна. Так не хотелось умирать. Младшая дочка всего лишь год как пошла в первый класс. Она такая умничка, из нее наверняка выйдет толк, не то что из сына, который сейчас служил в армии. Жизнь подкинула очередную задачку, из которой, похоже, выхода уже не было. Он шел по своему маленькому,

зеленому и до боли знакомому двору. Шел он к Вите. Он должен был обрадовать его своей смертью. Хоть кто-то станет немного счастливым от того, что он уйдет.

Олег никогда не был у Вити дома. Олег позвонил в дверь, спустя несколько минут она открылась. На пороге была жена Вити, Света. Витя выслушал все, не издав ни звука. Молча похлопав Олега по плечу, он сказал, что в это время он обычно ложиться спать, режим. Спускаясь по лестнице вниз, Олегу казалось, что он не только проиграл спор, но и саму жизнь...

Утром Олега разбудил звонок.

– Олег **ич? У нас появился для вас донор, его задавила машина, утром, около банка.

– К-как его звали? – дрожащим голосом спросил Олег.

– Виктор ***. А что? Алло? Алло?!

Олег бежал в банк, если там, на счету, остались деньги, он был спасен. Олег гнал от себя эту мысль, но она стучала в его мозгу как отбойный молоток. «Лишь бы он умер прежде, чем забрать деньги. Лишь бы!»

– Здравствуйте, я бы хотел снять все деньги со счета номер ***. Вот мой паспорт, – протрещал Олег в окошко банковской кассы, протягивая свой паспорт.

– Извините, но он пуст. Сегодня утром оттуда сняли все деньги. Мужчина, вам плохо? Что с вами, мужчина?! Врача!!

Василий Серебряный

Тяжелый вечер тяжелого дня

Машке С. – другу и пиздецу, без которого у меня ничего бы не получилось.

Сидим у меня дома. Выпиваем. Старые дедушкины часы показывают уже без четверти три, а значит, застолье длится уже часов восемь. Впрочем, если быть честным – два дня, чего уж там. Мертвую, тягучую тишину нарушает лишь залихватский храп соседки бабы Нюры.

– Дружище, я должен сказать тебе всю правду.

Начинается... Каждый раз он эту телегу заводит.

– Давай лучше не надо?

– Нет, надо! Ты позоришь себя! Посмотри, на кого ты стал похож. Небрит, одежда в жирных пятнах, коркой грязи покрылся и к стулу задницей прирос. Ты когда последний раз из дома выходил?

– Пару часов назад. За этой вот водкой. Для тебя, между прочим.

– Ой, спасибо, благодетель. Обалдеть повод. Чего дурака корчишь, ты же понял, что я имею ввиду.

– Ну а куда, куда пойти-то? Некуда. Всюду – одно уныние, жратва для обывавших мещан. Кино, театр, дискотеки. Лучше дома расслабиться – не выношу скопление плебса.

Брезгливо оттопыриваю губу – мол, чего я там не видел. Не люблю вот такие разговоры за жизнь. Нечего меня учить, не хуже других жить умею. Но мой собеседник уже разошелся и ораторствует, размахивая сопливым груздем на вилке, как дирижерской палочкой.

– Ох ты, гляди-ка, аристократ нашелся. Ты носки-то давно менял, интеллект уал ты наш? Начни еще про свою голубую кровь мне втирать. Предки твои в гробу переворачиваются, когда ты их упоминаешь. Позорник. Ни целей, ни идей нет. Выгниваешь изнутри постепенно.

– Не маши руками – слизь с гриба во все стороны летит. Это раз. Уровень интеллекта чистотой носков не измеряется. Это два. А в-третьих, цель есть.

Его лицо расплывается в омерзительной улыбке.

– Да ну? И какая же?

– Не твое дело.

– А вот мое. Какая, какая? Стать великим и могущественным, чтоб у тебя в ногах все валялись? Притом сделать это, не вставая с дивана и со стаканом в руке.

Он определенно пытается вывести меня из себя. Вот говнюк. Ну уж нет, не доставлю ему такого удовольствия. Отвечаю, стараясь прибавить в голос равнодушия и иронии.

– А почему бы и нет? По-моему, очень даже здорово. Замечательная мечта.

– Не мечта, а мираж, понимаешь? Мираж! Мечта вперед должна толкать, ввысь подымать, а это? Иллюзия!

– Весь мир иллюзия.

– Ага. И тараканы – иллюзия. И ноги, которые к линолеуму прилипают – тоже. Может, и я тебе тоже кажусь?

– Ой, да иди ты. Хочешь чистоты – пылесос за шкафом. Мне некогда – я жизни учусь у мэтра.

– Тогда как ученику настойчиво рекомендую – протри хотя бы пыль с окон, а то солнца днем не видно.

Встаю, подхожу к окну, пишу пальцем на стекле: «ИДИ НА ХУЙ».

– Устроит? – улыбаюсь.

- Тьфу ты...
- Не плюй на пол.
- Отлезь, гнида.
- Молодец, читал. Можешь гордиться.

Он нервно пожимает плечами и закуривает. Я тоже. Молчим. Нет, ну как же он меня достал. Ничем не лучше меня, а все учит, учит... Все нутро выел мне, скотина, своими нраво-учениями. А чего, я с ним, собственно, церемонюсь?

- А пошел-ка ты, – говорю, – куда-нибудь. Все, надоел. Видеть тебя не желаю.

И, не прощаясь, хватаю его и бью об стол...

...Шум, звон, осколки во все стороны, вся рука в крови, даже лицо порезало осколком. А, черт, третий раз за месяц уже. Нет, ну сколько раз я твердо решал, что пью с зеркалом последний раз?! Надо будет в гости завтра кого позвать.

Выливаю остатки водки на окровавленный кулак, сгребаю со стола скатерть вместе с осколками, пустыми бутылками и объедками, и выбрасываю с балкона. Все, теперь – спать, надо спать. Завтра опять тяжелый день. Завтра придется до хозяйственного тащиться, за новым зеркалом. Ну, хоть в люди выйду. В кой-то веки.

Макар Исаев

Комплекс петушка-леденца

Валерий Палыч возвращался с родительского собрания в школе № 46 Ленинского района города Челябинска и бормотал себе под нос: «Сейчас приду домой и устрою этому голодранцу сладкую жизнь! Совсем очумел – кошку школьную задрал! А я все думал, зачем он себе ногти такие длиннющие отрастил – сволочь такая! И ведь грязь такая под ногтями этими. Говорил я ему – отстриги ты пакость эту, а иначе я сам отстригу, да не ножницами, а пилой по металлу! Ослушался, гаденыш. Получит у меня, мразь мелкая. Хорошо хоть телефоном новеньким я обзавелся – будет на что отвлечься, пока сволочь в туалете запертая будет орать, чтоб я его выпустил». Валерий Палыч держал в руках новенький телефон – одну из последних моделей модной фирмы с изображением обгрызенного яблока. «Вот как тут яблоко пиднадкусано, так и я этому чувырле скажу свои ногти кусать», – вслух произнес сие нелогичную нелепицу Валерий Палыч. Было ему на тот момент 47 лет. Шел он по узкой улочке, час был поздний – 21:16 по местному времени, люди уже разбрелись по своим каморкам и готовились ко сну после тяжелого рабочего дня. Лишь одинокий бомж, прозванный хулиганистами дворовыми мальчуганами Казбеком за длинный нос-бородавочник, вдруг чихнул во сне и рухнул со скамейки. Но это произошло в ста шестидесяти семи метрах от Валерия Палыча, поэтому он не слишком потревожился.

Валерий Палыч продолжал идти и что-то бормотать себе под нос. Снег хрустел под ногами, и мужчина вдруг вспомнил, как такой же звук издавала его давно ушедшая в мир иной бабка Марфуня, полвека проведшая в звучном кресле-качалке. Ему вдруг стало не по себе – бабка всегда отбирала у него леденцы-петушки, принесенные доброй соседкой. «Вырастишь – сам будешь у всех отбирать, – ворчала старуха. – А пока отдавай мне петушка, гадыш!», – да, так она и говорила – «гадыш», сверкая беззубой улыбкой, от которой мальчику Валерке становилось совсем уж не по себе.

Валерия Палыча передернуло, и как раз в этот момент его кто-то сшиб с ног. Валерий Палыч упал лицом в снег, а нападавший стал размашисто бить его по голове. Мужчина обмяк после четырех ударов. Рука, в которую был заключен новенький телефон, разжалась, нападавший схватил аппарат в руку и спешно удалился.

Бомж Казбек в эту секунду во сне обмочил штаны, и ему стал гораздо теплее.

Валерий Палыч очнулся через 26 секунд после того, как у него отобрали телефон. Он был цел – трещала лишь голова, и он (видимо, находясь в состоянии шока) рассмеялся этому факту: «Ну и бандиты сейчас пошли. От них голова болит меньше, чем от водки родимой», – изрек Валерий Палыч хриплым шепотом.

«Жаль, телефон был хороший. Жаль», – с некоторой грустью произнес мужчина, однако не похоже было, что он очень сильно расстроен произошедшим. Он побрел домой, немного хромя, в шапке, сдвинутой набекрень. Нос покраснелся и распух – сейчас Валерий Палыч внешне мало чем отличался от бомжа Казбека.

Через 16 минут и 12 секунд Валерий Палыч позвонил в дверь собственной квартиры.

– Кто? – раздался подростковый голос.

– Я, – лаконично заметил Валерий Палыч.

– Кто – я? – съязвил подросток.

– Ты мне шутить вздумал! – вдруг взъерепенился Валерий Палыч, и только размахнулся ногой, чтобы шибануть по двери, как вдруг она открылась, и Валерий Палыч, не удержав равновесие, оказался второй раз за полчаса в позе лежащего.

– Батя, это кто тебя так? – вдруг увидел положение вещей подросток. С Валерия Палыча спала шапка – обнажились слипшиеся от крови жиденькие волосы.

Валерий Палыч вдруг резко вскочил – во время своего полета на пол он заметил в руке сына нечто знакомое.

– Лучше скажи, откуда у тебя этот телефон? – прошипел отец и незамедлительно вlepил своему сыну в ухо. – Отца вздумал грабить! Отцаааааа!

* * *

Казбек спокойно спал на лавке. Мимо него, всхлипывая, прошел направлявшийся в свой подъезд одиннадцатилетний Володя Рейнгольд. Он очень боялся идти домой. 37 минут назад он отпросился у родителей в магазин за чипсами. Выйдя из магазина, он встретил какого-то мужика, через 16 секунд после знакомства лишившего Володю его новенького телефона.

Татьяна Воробьева

Ежиха

Стенки тонкие. Невозможно тонкие стенки. И вот из-за этих тонких стен я слышу каждый ее вздох, стон, крик, шаг... Они снова ругаются из-за какой-то хуйни, а я сжимаю кулаки и стираю слезы со щек. На утро, когда он уйдет, хлопнув дверью, я буду опять: объяснять, уговаривать, топтать ногами, – чтобы она бросила этого урода. А она устало вздохнет, закурит последнюю, в сотый раз, сигарету, и грустно скажет, что никому кроме этого урода она не нужна. Мне нужна, дуреха. Мне.

Отворачиваюсь, сжимая кулаки. Она лишь качает головой, грустно улыбается и гладит меня по голове, как маленькую девочку:

– Хорошая ты, Ежиха.

Ежиха. Теперь уже моя очередь улыбаться. Это детское, обидное прозвище в ее устах звучит нежно, ласково, и на моих глазах наворачиваются слезы.

Ежихой дразнили меня ребята во дворе, когда в десять лет я подхватила вшей, и родители, чтобы не мучиться, просто напросто обрили меня. Тогда из-за прически «ежик» и такого же колючего характера я и стала Ежихой. Потом волосы отросли, а прозвище осталось. Тогда же я и познакомилась с ней. Не по возрасту рослой, но тонкой, как тростинка, девочкой, которая, несмотря на всю свою кажущуюся хрупкость, смело давала отпор всей ребятне, и заступалась за меня, такой колкой на язык, но совершенно беззащитной в драке девчужке.

Время шло. Мы выросли. Она превратилась в ослепительно красивую, стройную девушку, на которую заглядывалось большинство парней в школе. Я же так и осталась Ежихой – серой, неприметной, колючей, с вечной кипой учебников в руках.

Ее остальные подружки качали красивыми головками и недоумевали, зачем она возится со мной.

Однажды этим вопросом задалась и я.

Лежа рядом с ней на кровати и смотря, как лучики солнца играют на гранях хрустальной люстры.

Мне нравилось бывать у нее в гостях, нравилась ее комната. Я о личной комнате могла только мечтать и наслаждалась этой атмосферой: личного мирка, – ее личного мира, в который я была допущена. Мало кто знал, что среди стопок модных журналов лежит томик стихов Александра Александровича Блока, который она знает наизусть. Что среди дисков разной танцевальной и попсовой музыки есть Моцарт и Бах. И что ее мечта стать актрисой – не дань моде и не просто глупая прихоть.

Вот так, наблюдая за игрой света и тени в комнате, я наконец спросила ее о том, что давно вертелось у меня в голове:

– Зачем я тебе?

Она непонимающе посмотрела на меня, словно я спросила у нее что-то на другом языке.

– Ну, ты такая красивая, популярная, богатая. А я кто? Я так... – пожалала я, плечами поясняя свой вопрос.

Ее лицо сразу же стало серьезным. Она поднялась с постели, и отошла к столу. Молчание, повисшее в комнате, стало гнетущим. Я уже жалела о сказанных словах, но слово не воробей, назад не воротишь.

– Я думала, ты понимаешь, – услышала я ее голос.

Я села на кровати и смотрела на нее. Царственная осанка поникла, плечики ссутулились, а пальцы теребили страницу журнала, лежащего на столе.

– Что понимаю? – мой собственный голос сел и стал тихим и глухим.

– Почему я с тобой дружу! – почти кричит она, поворачиваясь ко мне лицом.

– Наверно, потому что я делаю за тебя алгебру, – пытаюсь я перевести все в шутку.

– И биологию, – тем же тоном отвечает она мне, – А если серьезно, то ты единственная кто дружит со мной не из-за моей красоты, популярности, модных тряпок, парней и прочей мишуры. А потому, что я это я. Думаешь, если я завтра превращусь в уродину и потеряю всю свою популярность, кто-нибудь из них останется рядом?

Я молча пожала плечами: откуда мне знать.

– Нет, – твердо сказала она, и подошла ко мне, – они забудут меня в тот же миг, а в худшем случае еще и станут поливать за спиной грязью. А ты нет. Ты всегда оставалась собой, Ежиха. С тобой можно было не притворяться. Ты всегда была такой: честной, прямой, доброй.

От этих слов у меня засосало под ложечкой, а щеки заалели. Никто мне не говорил, что я нужна, что мной дорожат. Ни вечно спешащие по своим делам родители, ни младший брат, но сейчас я видела, нет, ощущала эту свою значимость, необходимость для нее. И что она для меня так же необходима, если не больше. И от этого становилось страшно и радостно одновременно.

Мы стояли друг напротив друга в каких-то двух шагах. Меня переполняло столько чувств и эмоций, что я не знала, куда себя деть. Хотелось прыгать, бегать, плакать и смеяться.

Она была так близко, что я не удержалась и в миг, преодолев расстояние между нами, прижалась к ее губам. Ее губы были теплыми и мягкими, с легким привкусом малины, от блеска.

Миллисекунду она стояла, не двигаясь, но потом ее губы дрогнули, и она ответила на поцелуй. Вот так мы и стояли, целуя друг друга. Время то ли замерло, то ли побежало быстрее, но когда наши губы разомкнулись, то и сердце, и дыхание сбилось. Обе красные от смущения, мы с усердием рассматривали давно знакомую обстановку.

За пустой болтовней и планами на будущее мы скрыли неловкость. Нам было по шестнадцать лет.

Через год мы решили ехать поступать в Москву. Я в МГУ на факультет биоинженерии и биоинформатики, а она на актерский в Школу-студию МХАТ. Ее родители дали денег на съем квартиры. Двухкомнатную квартиру в Москве, переступив порог которой, мы не знали, какие беды, ждут нас в будущем.

Мне удалось поступить на бюджет, и я счастливая летела домой. Там меня ждала она, в слезах, среди разорванных страниц томика стихов А. А. Блока.

– Я провалилась. Провалилась! – причитала она сквозь слезы.

Бросив сумку на пол и совершенно забыв о себе, я села рядом с ней. Обнимая как можно крепче, как можно сильнее. Не находя слов, правильных, а не глупых слов утешения, для человека, чья мечта только что разбилось на куски. Лишь слова о любви, и о том, что я ее никогда не брошу.

– Я не добрала всего полбалла, – рассказывала она, собирая вещи в чемодан, – Живи тут, пока аренда не истечет. Тебе дадут место в общежитии?

– Должны, – ответила я на автомате.

Нет, я не могла ее бросить. Не могла остаться в Москве, когда она уезжает. Когда она потеряла мечту. Когда ей тяжело. Я слишком любила ее для этого.

– Я еду с тобой, – решила я, тоже вытаскивая свой чемодан из-под дивана.

– Стоп! – она схватила меня за плечи, – Ежиха, не дури. Ты поступила, куда хотела, да еще на бюджет. Слышишь? Я приеду на следующий год, обязательно приеду.

В ее глазах стояли слезы, а мое сердце вырывалось из груди. В этот момент я так хотела ее поцеловать, как тогда в комнате. В ее глазах отразилось то же желание, но в самый последний миг резкая трель дверного замка заставила нас обоих вздрогнуть.

На пороге стоял он. Высокий, статный, в шикарном костюме. На таких обычно пишут: «завидный жених». Он смотрел на нее голодными глазами волка и улыбался фальшивой улыб-

кой. Он был каким-то известным актером и увидел ее на экзамене. Предложил помочь поступить, за что просил немного, лишь встречу.

Она согласилась и буквально на следующий день была зачислена на факультет. Дальше понеслось: цветы, конфеты, подарки. Походы в дорогие рестораны и ночные клубы. Каждый день она прибегала ко мне с горящими от счастья глазами и говорила что-то о любви, о будущей свадьбе и о том, какой он хороший.

Так прошел год. Я потихоньку училась, сдавая сессию. И радовалась за нее. Радовалась до первого удара.

Первая их ссора случилась, когда выяснилось, что благодетель был женат и разводиться не собирался. Он пользовался ей как игрушкой, красивой куколкой. Она была разбита, унижена, даже хотела уехать домой, но потом успокоилась. Он приехал извиняться с шикарным букетом и какой-то безделушкой, и она простила.

Когда он ударил ее во второй раз, и она в слезах лежала на кровати после его ухода, я не выдержала. Пришла с твердым намерением уговорить ее отказаться от него, и от его подачек.

– Ежиха, ну как я могу?! – качала она головой, – Он же платит за все: за эту квартиру, за мою учебу.

– Ну и что, – покачала я головой, – Мы найдем работу, будем платить за все сами. А твои родители? Они тебе помогут.

– Нет, – тихим голосом ответила она, – Дело не только в деньгах. Он пригрозил: стоит ему сказать только слово, как меня вышвырнут из школы так же, как туда и приняли.

На этих словах она разрыдалась. А я сидела рядом, сжимая кулаки от злости и бессилия.

Вот и сейчас я так же сижу возле нее и не знаю, как ей помочь выбраться из этого капкана. И на ум приходит один только выход.

Вечер. Он снова появляется в дверях с неизменным букетом пошлых в своей обыденности алых роз. Она ненавидит алые розы, да и розы вообще. Он проходит к ней в комнату, упрямо делая вид, что меня не существует. Я стою на кухне, вытираю до блеска вымытую посуду и жду.

Стены невыносимо тонкие. Ужасно тонкие, и он тоже это знает. Вот мокрая тарелка выскальзывает из моих рук и с оглушающим звоном разбивается.

– Сколько раз я предлагал тебе переехать отсюда, – слышу я его недовольный голос.

– Я не хочу никуда переезжать, – отвечает она.

– Значит, тебе нравится выставлять свою интимную жизнь напоказ, – начинает закипать он, – А может вы с ней не просто подруги, а? Может, пригласим ее третьей? Если она и так все слышит, – говорит он с издевкой.

– Не вмешивай ее сюда, – фыркает она, – Она здесь совершенно не причем.

Тут меня достигает звук пощечины, и ее вскрика, который решит слух сильнее, чем сотни разбитых тарелок. Во мне снова закипает ярость, глухая обида и боль. Злые слезы застилают глаза, а рука сама находит рукоятку кухонного ножа.

Осознание приходит не сразу. Первые секунды я с удивлением смотрю: на свои руки, красные от крови, на белую дорожную рубашку, покрытую точно такими же красными пятнами. Взгляд поднимается выше и встречается с красивыми глазами цвета шоколада, глазами по которым сходила с ума половина женщин и девушек нашей страны. Мертвыми глазами. До моего слуха доходит жалобный, больше похожий на детский, всхлип. Это она сидит на кровати в одной ночной рубашке, прижав ладони ко рту. Ее глаза расширены от ужаса, и, наверное, как отражение, схожи с моими. Я снова перевожу взгляд на труп человека, которого я убила. Убила! И нож выпадает из рук, со звоном падая на пол.

Первой приходит в себя она и выбегает из своей комнаты. Я слышу, как ее рвет в туалете. Я слышу ее шаги по коридору. Шуршание пакетов. Через какое-то время она подходит ко мне, и куда-то ведет.

– Тебе надо бежать, – пытается втолковать мне она, – Бери все деньги и вещи и уходи.

Под струями воды мои руки снова становятся чистыми, а вода приобретает нежно-розовый оттенок – отвратительный цвет.

– А как же ты?! – приходит в мой мозг, словно набитый ватой, единственная мысль.

– Со мной все будет хорошо, – врёт она мне.

– Давай уедем вместе! – предлагаю я ей, – Уедем и нас никто не найдет, – я тоже вру.

Но ей, как и мне, нужна эта ложь. Она со счастливой, больше похожей на истерическую улыбкой уходит одеваться, и собирать кое-какие вещи, деньги и документы. Мы обе знаем, что скоро его хватятся, и всегда найдется кто-то, кто будет знать, куда он уходил по вечерам. И что нас найдут, обеих или по одной. Нет, я не могу с ней так поступить!

Она выходит из спальни одетая, с чемоданом в руках. Надеюсь, она ничего не оставила.

– Я готова, – она подходит ко мне.

Я нежно провожу пальцами по контурам ее лица. Я никогда не умела рисовать, но сейчас мне этого очень хочется. Она следит за моими движениями с удивлением, но не мешает, когда я резко притягиваю ее к себе и целую. Последним, соленным от слез, поцелуем, она с готовностью отвечает, хватаясь за мои плечи руками, и притягивая сильнее. Когда поцелуй прекращается, между нами нет ни стыда, ни смущения. Мы вглядываемся в лица друг друга.

– Тебе пора, – говорю я, сглатывая слезы.

– А ты? – шепчет она.

– Я приберусь тут немного, и тоже уеду, – вру я ей, – Нам лучше пока разделиться, и еще нужно стереть отпечатки пальцев.

Она согласно кивает, но так и не может выпустить свою руку из моей. Я провожаю ее до двери, тоже оттягивая этот момент. Как же больно осознавать, что тот, кто был тебе дорог и нужен больше всего, потерян навсегда. Еще хуже осознавать это в последний миг, когда уже нельзя ничего изменить.

Ее пальцы выскользывают из моей ладони, а звук захлопнувшейся двери эхом разносится по пустой квартире. Ноги подкашиваются и хочется просто опуститься на пол и окаменеть, но нет, нельзя, времени мало.

Беру тряпку и захожу в ее комнату. Он все так же лежит на полу в луже собственной крови. Его лицо стало уже бледным, а губы синими. Он был мертв, и это не кошмар, и не бред. Сколько бы я этого не повторяла. Стараясь не обращать внимания на мертвеца, начинаю стирать ее отпечатки со всего вокруг. Когда с этим было покончено, дрожащими пальцами набираю короткий номер «02». Предательская мысль убежать приходит за секунду до ответа. Но нет, я не могу, ради нее.

В трубке, наконец, прозвучал человеческий голос.

Стараясь не разрыдаться, на удивление спокойно произношу:

– Здравствуйте, я убила человека. Нахожусь по адресу...

Суд. Ставшая уже привычной деревянная скамья и железная клетка. Не могу отделаться от глупого чувства, что нахожусь в зоопарке. Ежиха в клетке – смешно до рези в глазах. И находится, я думаю, мне тут еще долго, несмотря на трудолюбивого, дорогого адвоката, нанятого каким-то доброжелателем. Адвоката, который упорно старался свести все дело к «убийству в состоянии аффекта». Мне было наплевать, сколько мне дадут, главное, полицейские, ухватившись за готового убийцу и чистосердечное признание, не особо рвались искать вторую мистическую девушку, жившую вместе со мной в квартире. Чего я и добивалась.

Судья встал, оглашая приговор:

– ...наказывается ограничением свободы на срок до двух лет, условно.

Услышала я, и долго сидела в оцепенении, даже когда пристав, зашел в мою клетку, чтобы снять с меня наручники. Я вышла в судебный зал, ошарашенная, и не верящая в реальность

происходящего, когда адвокат, пожимая мне руку, передал маленький клочок бумаги, на котором таким знакомым почерком было написано: «Ежиха, я жду тебя».

**Андрей Степанов. Stepanov-
Andrey88@yandex.ru, vk.com/id40922961**

Разговор

Хочу вас предупредить, что эта выдуманная история. Лично я не встречал еще таких детей.

* * *

Теплым летним вечером мы с сыном гуляли в роще, сыну было девять лет, он очень любил смотреть на людей, на птиц, на зверей, на всяких букашек. Он был задумчивым, мало говорил, с другими детьми мало общался, когда мы сидим дома, он листает детские книги, рисует, играет в машинки. Жене не очень нравится поведение сына, слишком спокойный, послушный, не очень активный. Не то, что дети со двора, – носятся, хулиганят, играют в войну... в общем, как нормальные детки. Моя жена однажды попыталась выяснить у сына, чего он хочет, но у нее не вышло, так как он не отвечал на вопросы своей матери. Жена нервно говорит мне:

– Что у нас за ребенок растет? Постоянно живет в своем мире, и не хочет ни с кем общаться...

– По мне так ребенок, как ребенок. Ты пойми, что каждый имеет право жить в своем мире. Может, он не хочет быть таким, как все.

– Вот сам и выдави из него хотя бы слово. Он у нас замкнутый.

– Что ты кричишь? Ему нужен, наверное, подход, чтоб с ним поговорить.

– Вот и ищи к нему подход, а с меня хватит.

На следующий день я взял сына с собой по магазинам. Мне нужно было купить ручку и блокнот, продукты, запчасти для машины, и все самое необходимое для ремонта квартиры. И тут я подумал: проведу я этот день с сыном, надо с ним поговорить, узнать, о чем он думает. Мы пошли в парк покататься на аттракционах, съесть по мороженому, повеселиться.

Вдруг сын мне говорит:

– Папа, а зачем ты меня туда? Мне это интересно.

– Почему неинтересно?! Это веселье любит каждый ребенок.

– Пап, а вот мне это не нужно, мне интересно наблюдать за всеми, кто куда бежит, кто чем занимается, вся эта суeta мне нравится. Я не хочу ни с кем общаться, я хочу быть не таким, как все.

– Сынок, я тебе этого запретить не могу. Но послушай папу, общение может быть как вредным, так и полезным. Я тебе все объясню – разницу между вредным и полезным. Вредное общение – плохие слова, унижение, вранье – тянут тебя на дно земли. Полезное общение состоит из мудрых слов, учит быть культурным, ответственным. Расширяет круг людей. Помогает тебе добиться того, что ты задумал. Тянет тебя на самую высокую гору. Но эти виды общения научат тебя жизни.

– Папа, а что такое жизнь?

– Сынок, тебе еще рано знать это. Постепенно сам будешь познавать жизнь.

– Папа, ну скажи, я хочу узнать это от тебя.

– Ты пойми: нужно время, чтоб это понять. Ну, если ты настаиваешь, Я дам тебе совет.

Прочти стишок «Жизнь в ста словах». Примерно через десять лет ты начнешь понимать этот стишок. Сынок, жизнь – это когда ты идешь против сильного ветра, тебя сдувает, а ты все равно встаешь и идешь.

– Папа, а кто такие родители?

– Родители – это те, кто всегда ждут тебя дома! Сына, береги папу и маму, только они наполнят тебя радостью и любовью!

– Папа, а что такое любовь?

– Любовь – сильная штука, она заставляет тебя жить или причиняет боль.

– Знаешь пап, спасибо за то, что ты у меня есть. Папа, пошли теперь веселиться.

Разговор-2

Сегодня у меня первый день отпуска, и мне захотелось отправиться с сыном куда-нибудь отдохнуть. Может, на море? Там мы были, и не один раз. Надо подумать – где мы еще не бывали. Я долго ходил по квартире из угла в угол, пока мне на глаза не попала обложка журнала, лежавшего на столе. На обложке был изображен Рим. Я подумал: хорошая идея отправиться в Вечный город.

Летняя погода, солнечный день, небо синее-синее, без единого облачка. «В самый раз», – подумал я. Одиннадцать утра. В соседней комнате послышались шаги, оттуда вышел сын, еще сонный. Видимо, я его разбудил своим хождением.

– Папа, мне сегодня мама приснилась. Она смотрела на меня, но ничего не говорила.

– Сынок, мама любит тебя, смотрит на тебя с небес, следит, чтобы ты не попал в беду. Понимаю, ты скучаешь по ней, я тоже очень скучаю. Надо будет навестить ее. Прошло уже три года, как ее нет с нами.

– Папа, а куда люди попадают, когда умирают?

– В рай или в ад. Все зависит оттого, какие поступки ты совершал при жизни.

– Папа, расскажи про то место, куда они попадают.

– В смысле, про рай и ад?

– Да.

– Рай – это место, куда попадают хорошие люди, которые не воровали, не обманывали, не убивали, не предавали. А в ад попадают плохие люди, которые совершали постыдные вещи.

– Как в кино, когда Бэтмен запирает Джокера в тюрьму?

– Примерно так и есть, – с улыбкой ответил я.

– Папа, а как выглядит тот свет?

– Люди говорят по-разному. Быть может, кто-то успел там побывать, пока врачи спасали ему жизнь. Но я выскажу свое мнение о том, как выглядит тот свет. Об этом знают только те, кто там находится. Нам недоступно видеть то, что видят они. Кто перед ними – ангел, бес или длинный туннель, в конце которого горит яркий свет? Неизвестно. Так что, сынок, не думай об этом. Тебе еще жить и жить.

– Папа, а кто такие ангелы, бесы, Сатана и Бог?

– Сынок, что-то у тебя сегодня слишком много вопросов. Подожди, сейчас найду книжку и отвечу на твои вопросы. Ты пока сходи в ванную, умойся, причешись и оденься.

Спустя некоторое время мы продолжили беседу.

– Папа, я умылся и готов слушать твои ответы.

– Я готов, только отвечу тебе не своими словами, а прочту то, что написано в книге. Я постарался найти не очень сложные ответы. И вот что нашел:

«Сатана – в различных вероучениях – дьявол, носитель злого начала, главный враг человечества, противник Бога, в переносном значении это слово употребляется как бранное в отношении злодея, негодяя».

«Бес – злобное бесплотное существо, злой дух, нечистая сила, демон, черт, лукавый, слуга Дьявола, постоянно пытающийся соблазнить человека на грех и погубить его душу».

«Бог – великое космическое Существо, одушевляющее нашу планету и воплощающее в себе все законы и все энергии, управляемые этими законами, и, таким образом, представляющее собой все, что мы видим, и все, что не можем видеть».

«Ангелы – по традиционным религиозным представлениям – существа, обладающие сверхчеловеческими знаниями и силой, но сотворенные Богом и подчиненные Ему».

– Теперь понятно, кто Бог, а кто Сатана. Бэтмен – бог, Джокер – сатана, – радостно воскликнул сын.

– Нет, сынок, скорее всего, Бэтмен – ангел, а Джокер – бес. Ты меня насмешил сегодня, сынок.

– Папа, ответь на последний вопрос. Что значит – упасть с вершины карьеры и опуститься ниже плинтуса? Я по телевизору слышал эти выражения, но не понял их.

– Хм. Хорошо, попытаюсь объяснить. Представь, что ты стоишь на краю самой высокой горы, смотришь по сторонам, вздыхаешь полную грудь чистого воздуха и говоришь: «Как прекрасно смотреть на мир сверху! Всего один шаг – и ты летишь вниз». И вдруг кто-то толкает тебя сзади. Не удержав равновесия, ты падаешь, без парашюта для мягкой посадки. Вся жизнь проносится перед глазами за считанные секунды. Все уже позади, и только один шанс из миллиарда, что ты останешься жив.

– Теперь мне понятно. Спасибо, папа, я пойду пить чай.

– Чуть не забыл. Попьешь чай, и собирайся – мы сегодня уезжаем в Рим. Я позвоню, закажу билеты на самолет.

– Хорошо, папа. Надеюсь, в Риме интересно. Папа, а как же заехать к маме на кладбище, провести?

– Съездим, проведем, но прежде соберемся в путь.

Часа через полтора все было готово к поездке. Я вызвал такси, и мы поехали на кладбище, купив по дороге любимые цветы моей жены. На кладбище я попросил таксиста подождать. Мы с сыном пошли искать памятник. Я давно там не был, поэтому не помнил, в каком месте находится могила. Однако нашли быстро. Подойдя к могиле, сын сказал:

– Привет, мама! Ты мне сегодня приснилась. Я понял, что ты скучаешь по мне и папе. Мама, мы сегодня уезжаем с папой в Рим, вот перед отъездом и решили навестить тебя. Мама, мне тебя не хватает, я скучаю по тебе. Я стал завидовать другим ребятам, что у них есть самый дорогой на земле человек. Мама, я тебя люблю!

Сын сильно расплакался, закрыл лицо руками и прижался ко мне. У меня по щеке потекла слеза. Я попросил сына, чтобы он подождал меня в машине, пока я попрощаюсь с его мамой. Я положил цветы, посмотрел на лицо своей жены на памятнике и, еле сдерживая слезы, прошептал:

«Любимая, прости меня, если сможешь. Ведь из-за меня тебя нет в живых. Зря я тогда тебя не послушал. Мне до сих пор вспоминается тот день: мы с тобой были за городом в гостях, засиделись допоздна. Друзья уговаривали нас остаться у них на ночь, мол, куда ехать в такую темень. Ты была рада остаться, но я был против, так как рано утром мне надо на работу, да и сын с бабушкой ждут нас дома. Предложил тебе остаться у друзей, а завтра вернуться домой. Ты уговаривала меня остаться, мол, ничего с нашим сыном не случится. Но я проявил упрямство, сел в машину. Ты тоже села и сказала: «Куда ты, туда и я». В дороге случилось ДТП. Ты погибла на месте, а я провел в реанимации полгода. Потом мне пришлось сыну сообщить, что нашей мамы больше нет. Прости, что так долго не приходил к тебе. Я не мог прийти, потому что был в шоке, оттого, что тебя больше нет. Я скучаю по тебе, дома так не хватает твоего тепла, любимая. В душе – холод и пустота. Солнце светит, но меня оно не греет, так мне не хватает тебя, моя любимая. Я каждую ночь рассматриваю наши снимки, и по моим щекам текут слезы. После того, как ты ушла из жизни, я страшно боюсь потерять нашего мальчика. Ведь тогда я останусь совсем один, затерянный в этом мире. Я тебя еще раз навещу, когда мы вернемся с отдыха, обещаю. Нам пора ехать, целую тебя»

Я постоял еще минутку, чтобы вытереть слезы и немного успокоиться. Затем не спеша двинулся к машине. Проходя мимо памятников, я обратил внимание, что большая усопших – молодые еще люди. «Как этот мир жесток», – подумал я и перекрестился. Выйдя с кладбища, сел в машину, обнял сына и велел водителю ехать.

Александр Михайлов. ambed@mail.ru

Гимназистка

- Ой, девочка! Откуда ты взялась?
- Оттуда же, откуда и ты!
- Что ты имеешь в виду?
- Все мы выходим из одного места.
- Это понятно, из маминого живота. Меня интересует, откуда ты появилась на этой скамейке?
- Пришла и села, пока ты смотрела на эту дверь.
- Ты из какого отделения?
- Не поняла?
- Ну, терапия, неврология, хирургия? Опять не поняла?! Странная девочка! А почему ты в больнице в школьной форме?
- Гимназической!
- Какая, хрен, разница! Одни школы остались школами, другие гимназиями назвались. Хрен редьки не слаще. Ты, наверное, из Первой гимназии?
- Да. Ты часто хрен упоминаешь.словно огородница.
- Говорят, это овощ, который знает все! Значит, ты в Первой гимназии учишься. А я в восьмую школу хожу. Ты тоже на рентген?
- Нет.
- Значит, просто присела здесь. А мне так не хочется идти на рентген. Я боюсь, вдруг излучусь. Давно сижу, не вызывают. Ну и к лучшему! Слушай, пошли гулять.
- Я не возражаю. Но как же твой рентген?
- Да ну его! Пошли. Только как нам мимо охраны пройти. Не выпустят. А, знаю! На первом этаже в травматологическом отделении есть дверь во двор, через нее медперсонал выходит. Вот там незаметно и пройдем. Только твоя форма привлекает к себе много внимания. У меня в палате есть джинсовые брюки и свитер, хочешь, дам тебе, переоденешься.
- Разве девочки носят брюки?
- Ты что, с луны свалилась?! Конечно, носят!
- Ну, тогда я согласна.
- Вера сбегала в свою палату, принесла полиэтиленовый пакет с одеждой.
- Пойдем в туалет, переоденешься. Кстати, мы не представились. Меня зовут Вера.
- Я – Клава.
- Девочка переделась, положив гимназическую форму в пакет. Новые приятельницы прошмыгнули во двор.
- Какая чудесная погода! Солнышко! – воскликнула Вера. – И небо голубое! Просто восхитительно! Почему-то, когда такая благодать, я с благодарностью вспоминаю маму за то, что она меня родила и дала возможность любоваться нашим замечательным миром.
- Ты, наверное, очень любишь свою маму?
- Как можно не любить такую замечательную мамочку?!
- Я тоже обожаю свою маму! А куда мы пойдем?
- Давай по городу погуляем.
- Здорово, очень интересно!
- Ты в таком восторге, словно никогда не гуляла по городу!
- Конечно, много раз прогуливалась...
- Пойдем на улицу Ленина.

- Ленина?!
- Ну, конечно, эта улица рядом, за бывшим зданием обкома.
- Обкома?
- Ты какая-то странная.
- Да нет, просто я немного не в себе...
- Понятно, не зря ведь тебя в больницу направили!

Девочки вышли на улицу, на которой сохранилось много дореволюционных построек. Раньше она носил название Миллионной улицы. Увидев поток машин, Клава заметно растерялась, даже испугалась.

– Нет, ты точно не в себе! – сказала, как отрезала, Вера. – Словно не городская жительница, а приехала из глухого села. Хотя и там сейчас везде машины или, хотя бы мотоциклы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.